

О. Г. Усенко

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «МЕНТАЛИТЕТ»

Статья представляет собой попытку дать определение понятию «менталитет» посредством его сопоставления с другими понятиями, которые наиболее часто употребляются при изучении человеческого сознания и культуры.

В отечественной культурологии вплоть до недавнего времени преобладал *философский подход*, исходной установкой которого является поиск однородного, общего, типичного в духовной жизни всех представителей человеческого рода. Главное внимание при этом уделяется познавательной (рассудочной, дискурсивной) стороне сознания, причем тех её черт, что обусловлены самой природой человека – одновременно биологического и социального существа. В силу этого для исследования духовной жизни применяются такие понятия, как «общественное сознание», «обыденное сознание», «мироотношение», «мировоззрение», «самосознание» и др. Стержневая аналитическая оппозиция «субъект – объект» свои конкретные воплощения находит в оппозициях «индивид – окружающий мир» и «Я – мой внутренний мир».

К сожалению, философский подход не очень удобен для конкретно-исторических исследований. Его ограниченность заключается в том, что, во-первых, не выявляется особенное в духовной жизни различных стран, эпох и народов, во-вторых, эмоциональная жизнь человека рассматривается как нечто второстепенное, а в-третьих, из поля зрения исследователя выпадает сфера бессознательного и поведенческий аспект человеческой психики.

В известной мере преодолеть эти недостатки помогает *социологический подход*. Он позволяет обнаружить связь между чертами личности и местом человека в обществе, между сознанием индивида и его принадлежностью к определённой социальной группе. В этом случае уже социум подставляется на место субъекта в магистральной

[с. 23]

оппозиции анализа. Соответственно для данного подхода характерно употребление терминов «групповое сознание», «идеология», «массовое сознание», «духовные ценности», «социальная роль» и пр.

Достижение необходимой полноты анализа человеческого сознания невозможно без применения *психологического подхода*. Оперирование такими категориями, как «установка», «ценностные ориентации», «стереотип», «социальная (общественная) психология» и т. п., заставляет исследователя изучать внутренний мир человека «изнутри», идти в процессе анализа не от общества к индивиду, а от индивида к обществу. Последнее, таким образом, «очеловечивается», и отношения между индивидом и социумом теперь описываются формулой «субъект – субъект».

В то же время социологический и психологический подходы – не панацея. Исследователя ждут большие трудности, когда необходимо выявить специфику в мышлении и поведении представителей различных эпох, социумов, этносов и культур. Не случайно поэтому среди гуманитариев растёт число приверженцев «культурной антропологии».

Культурно-антропологический подход ориентирует на выявление глубинных структур человеческой психики, на поиск стабильных и типических феноменов (тождеств и различий) в сознании людей, разделённых политическими, культурными, этническими перегородками, а также пластами времени. Благодаря новому подходу понятийный аппарат гуманитариев

пополнился терминами «менталитет», «ментальность», «парадигма сознания», «картина (образ, модель) мира», «стиль мышления» и др.

В связи с этим назрела необходимость систематизировать многочисленные культурологические понятия. И дело не только в том, что термины, привычные для большинства исследователей, и термины, ещё лишь входящие в научный оборот, плохо «состыкованы» между собой, из-за чего затрудняется сопоставление исследовательских концепций и обобщение данных, накопленных в рамках

[с. 24]

«традиционных» и «новаторских» подходов. К сожалению, даже те понятия, которые обслуживают приверженцев одного и того же направления, часто употребляются и трактуются по-разному¹. Кроме того, сложности в обращении с понятийным аппаратом обусловлены ещё и тем, что некоторые термины, являясь ныне междисциплинарными, продолжают нести значения и функции, которые были за ними некогда закреплены в системе той или иной науки. Характерным примером в данном случае является термин «парадигма»².

На каких же *принципах* можно проводить систематизацию культурологических понятий? Во-первых, следует признать, что на эмпирическом (конкретно-историческом) уровне носителем любых духовных образований выступает лишь индивид. Это значит, что в реальности лишь индивидуальное сознание является той основой, той матрицей, в которую «вплаваются» все виды внеличностных (коллективных, массовых) форм сознания и социально-психологические феномены.

Во-вторых, человеческая психика должна рассматриваться, с одной стороны, как нерасторжимое единство мышления, переживания и деятельности (поведения), а с другой – как единство бессознательного и осознанного.

В-третьих, надо взять на вооружение принцип системности, чтобы увязать воедино различные исследовательские подходы, представив (по возможности) соответствующий им понятийный инструментарий в виде цельной многоуровневой системы. Последовательное применение данного принципа требует не только разграничения понятий, не только установления связей между ними как автономными единицами, но и выявления их сфер пересечения – общих смысловых зон, которые в зависимости от угла зрения исследователя могут входить в содержимое различных категорий. При этом выглядит логичным обращение к методам структурализма, наиболее эффективным, когда речь идёт об анализе опорных оппозиций, системных элементов и отношений между ними.

[с. 25]

В-четвёртых, при группировке и разведении синонимичных или близких по смыслу (употреблению) терминов нужно придерживаться принципа непротиворечивости, т. е. следить за их семантической согласованностью. При этом в затруднительных случаях позволительно полагаться на «языковое чувство», диктующее понимание того, какими смысловыми нюансами различаются данные понятия, судя по их формулировкам (словесным обозначениям).

В-пятых, для достижения большей убедительности и ясности понятийной систематизации целесообразно использовать принцип наглядности. Основной понятийный материал может быть структурирован в виде трёх схем, каждая из которых соответствует тому или иному уровню (аспекту) анализа человеческого сознания.

В-шестых, не стоит забывать о принципе иллюстративности – исследование только выиграет, если теоретический анализ ментальных структур будет подкреплён примерами фактического свойства.

Базовый уровень категориальной системы описывает универсальную структуру познавательной деятельности индивида, а именно черты его психики, изучаемые в рамках философского подхода.

Для обозначения фундаментальной способности человеческого сознания противопоставлять себя окружающей среде при постоянной взаимодействии с ней и обзирать самоё себя как бы со стороны предлагается термин *«мироотношение»* (см. рис. 1). В данном аспекте сознание человека представляет собой по содержанию единство рационального и эмоционального, а по форме – единство двух состояний: процессов (динамики) и явлений (статики). «Миром» же оказывается всё, на что направлены взгляд, мысль и деятельность субъекта, поэтому и становится возможным говорить о «внешнем мире» и «внутреннем мире человека».

Исходные компоненты структуры мироотношения составляют:

[с. 26]

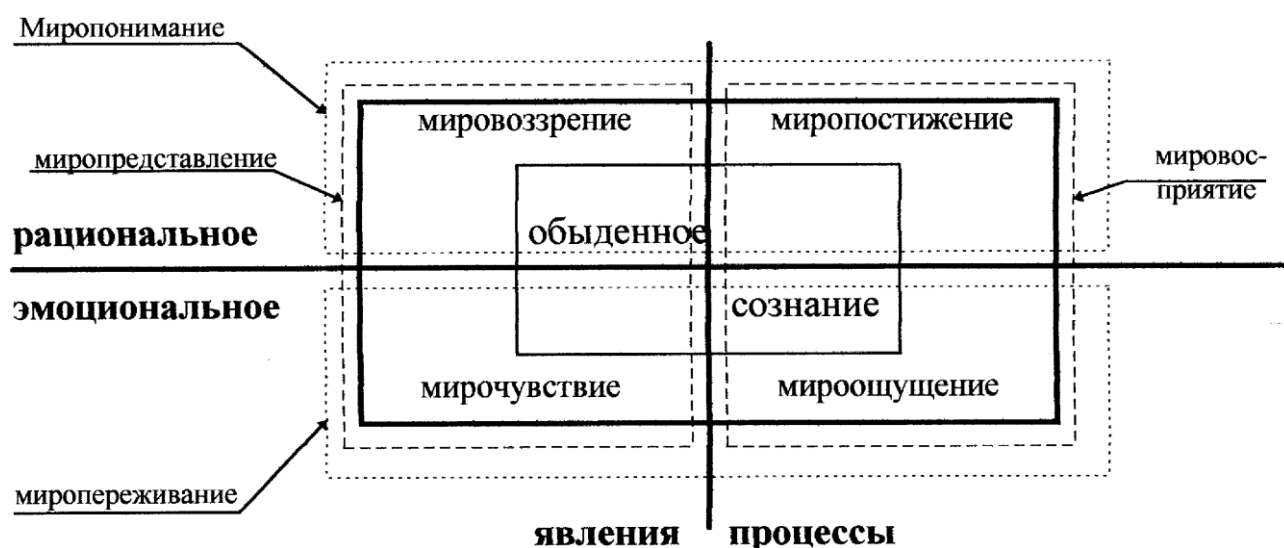

Рис. 1. Структура мироотношения

[с. 27]

а) *мировоззрение (мировидение)* – совокупность представлений о мире и месте человека в нём, об отношении человека к окружающей действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами жизненные позиции, убеждения, идеалы, исходные принципы познания и ценностные ориентации индивида;

б) *миропостижение* – процессы индивидуального познания (получения, обработки и усвоения информации), способы использования и проверки полученной информации, механизмы рефлексии;

в) *мирочувствие* – совокупность эмоций (переживаний, аффектов и чувств), отражающих жизненный смысл объективных явлений и представляющих собой обратную сторону идей, представлений, убеждений и т. п. (элементов мировоззрения);

г) *мироощущение* – процессы и способы непосредственно-чувственного отражения, т. е. реакции порождения и смены эмоций, атрибутивно связанных с познавательной деятельностью индивида (с элементами миропостижения).

Для определения взаимосвязей между этими компонентами предлагаются такие понятия, как *миропонимание* (единство элементов «а» и «б»), *миропереживание* (единство элементов «в» и «г»), *миропредставление* (сплав «а» и «в») и *мировосприятие (миросозерцание)* – связь элементов «б» и «г».

В структуре мироотношения можно выделить и такой элемент, как *обыденное сознание*. Оно представляет собой продукт личного опыта индивида и является фундаментом его повседневной деятельности.

Обыденное сознание – это набор житейских суждений, представлений, оценок, переживаний, убеждений и т. п., основанных лишь на реальных и осязаемых фактах, на узком кругозоре, ограниченном сугубо личным и групповым опытом человека. (Под групповым опытом разумеются повседневные общественные связи человека – его непосредственные, прямые связи с другими членами «родной» для него социальной группы, а также связи

[с. 28]

последней с «чужими» группами, находящимися с ней в непосредственном и регулярном взаимодействии).

Таким образом, обыденное сознание всегда уникально. Но не только поэтому оно не подлежит сравнительной типизации. Обыденное сознание не существует в качестве единой, внутри себя организованной системы, придающей специфические качества всем своим элементам; это конгломерат различных идейно-эмоциональных образований, отражающих конкретное бытие индивидов и групп.

Данному понятию противостоит «*общественное сознание*» (см. рис. 2), которое вырабатывается и функционирует тогда, когда индивид выходит (реально или мысленно) за пределы своего привычного мирка, делает объектом своего познания и (или) деятельности общество в целом или основные социальные институты. Под общественным сознанием разумеется целостное духовное образование, обладающее внутренней структурой и включающее в себя идейно-эмоциональные компоненты (как массовые, так и уникальные) общезначимого характера, т. е. объективно затрагивающие интересы всех или большинства членов данного социума. Внутри этой системы выделяют (по содержанию) политическое, правовое, нравственное, религиозное, эстетическое, философское и научное сознания.

Указанная выше процедура, связанная с определением своего места в общественной системе и своего отношения к ней, – безусловно, универсальная черта человеческого сознания. Род человеческий отличается от животных не только наличием социальной организации, но и тем, что сознание конкретного человека является продуктом строго определённого общества – общества, в котором он вырос и живёт. Социализация – неперенный этап становления личности, она требует от индивида усвоения, во-первых, идей, оценок и знаний (следовательно, и сопутствующих

[с. 29]

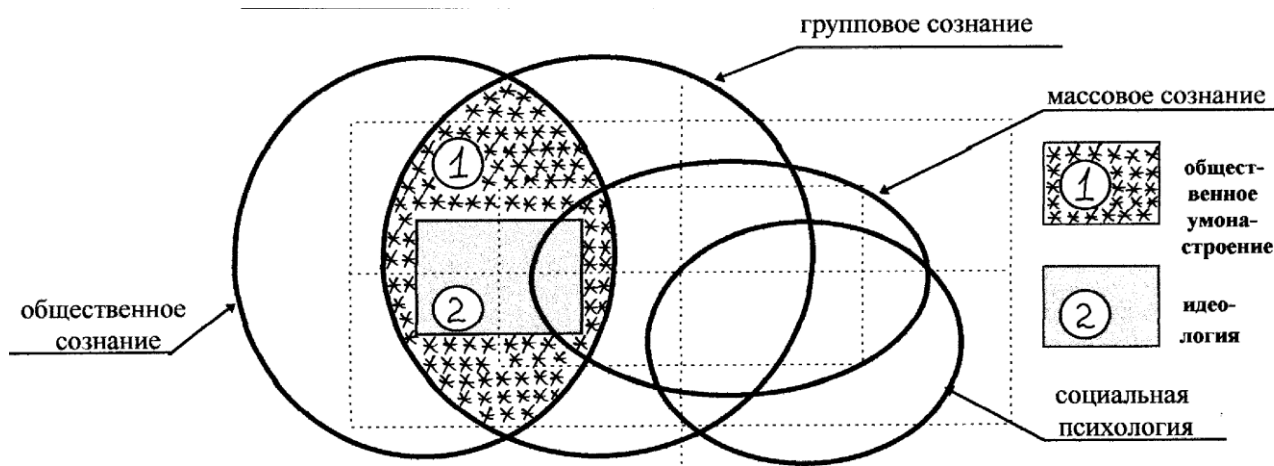

Рис. 2. Социальное в сознании индивида

[с. 30]

им эмоций) общезначимого и массового характера, во-вторых, предписанных ему социальных ролей*.

Разумеется, у каждого человека вырабатываются и собственные представления о социальной действительности, но это лишь подкрепляет утверждение, что социальное – обязательный элемент индивидуального сознания, тот его пласт, благодаря которому человек становится и является личностью. С точки зрения содержания данный пласт можно структурировать на основе социологического и психологического подходов. В этом случае личность предстаёт носителем не только общественного, но и группового сознания, а также социально-психологических феноменов.

Групповое сознание – духовный атрибут первичных социальных организмов (постоянных малых общностей и коллективов), а также их симбиозов и объединений. Первичные группы образуются людьми, регулярно контактирующими друг с другом и выполняющими взаимозначимые функции³. Сообразно с этим групповое сознание вбирает в себя представления, идеи, оценки, переживания, ценности и т. п., составляющие устойчивое единство и общие для всех без исключения членов данной первичной группы или данного группового симбиоза (объединения).

У общественного и группового сознаний имеется поле пересечения, где аккумулируются идейно-эмоциональные образования, определяющие поведение людей не просто как членов общества, но и как представителей конкретных социальных институтов, слоёв и больших групп. Эти духовные феномены составляют содержание таких понятий,

* Социальная роль – это «совокупность норм, определяющих поведение действующих в социальной системе лиц в зависимости от их статуса или позиции, и само поведение, реализующее эти нормы»; это некая «социальная позиция», находясь в которой, человек обязан повиноваться «социальному заказу или ожиданиям (экспектациям) других людей, связанных с данной позицией» (ФЭС. С. 587). Такие роли можно поделить на статусные, атрибутивно связанные с положением человека в обществе, и этикетные, предписываемые в определённой ситуации одинаково всем без учёта места человека в общественной иерархии.

[с. 31]

как «идеология» и «общественное умонастроение» (рис. 2, секторы 1 и 2).

Наиболее приемлемым выглядит функциональное определение *идеологии*: это совокупность таких идейно-эмоциональных образований (не обязательно увязанных в единую систему), которые используются большими группами людей (прежде всего сословиями и классами) в их борьбе за свои интересы, помогают осознать эти интересы и сформулировать (выразить) их. Иначе говоря, идеологией оказываются любые знания, идеи, мнения, эмоции, оценки и убеждения, с помощью которых массы людей осмысливают социальные проблемы и конфликты, а также намечают и вырабатывают планы своей деятельности, направленной на сохранение или изменение социальных отношений.

Под *общественным умонастроением* понимается «особый вид настроения, обладающий относительно устойчивым характером и представляющим собой определённую направленность как безотчётных чувств и переживаний, так и более или менее ясно выраженных мыслей, идей, убеждений». Данный феномен «представляет собой фундаментальную психологическую связь между предшествующим опытом социальной или этнической группы и её способностью чувствовать, воспринимать и оценивать»⁴. Общественное умонастроение может быть как проявлением необъективированного («живого») общественного сознания, так и частью группового сознания. Кроме того, оно тесно связано и с идеологией.

Относительно общности социального умонастроения и идеологии можно заметить следующее: во-первых, носителями обоих феноменов являются не изолированные индивиды, а конкретные группы, соединённые общими целями и желаниями; во-вторых, оба феномена являют собой единство сознательного и бессознательного, в-третьих, всякая идеология формируется и распространяется на основе определённого общественного умонастроения, оказываясь (целиком или частично) в числе его компонентов.

[с. 32]

Однако, получив своё воплощение в письменных текстах (программах, воззваниях и т. д.), идеология перестаёт быть частью социального умонастроения, перейдя из области «живого» в область объективированного общественного сознания. Кроме того, далеко не всякое социальное умонастроение подводит людей к созданию (восприятию) идеологии, ибо наличие последней требует хотя бы частичного осознания своих эмоций и целей, между тем люди, даже если действуют сообща, далеко не всегда контролируют свои слова и поступки. Далее, общественное умонастроение живёт, как правило, меньше, чем идеология. Наконец, дать ему чёткое определение с точки зрения содержания невозможно, поскольку последнее зависит от того, явления какого рода волнуют людей в данный момент, и соответственно оно может быть как шире, так и уже содержимого идеологии.

К понятиям, позволяющим описывать сферу подсознания и поведения человека, относятся также «массовое сознание» и «социальная психология».

Социальная психология включает в себя все виды психических процессов и явлений, возникающих на основе непосредственного общения и взаимодействия индивидов между собой, а также индивида с группой. Имеются в виду процессы подражания и внушения, явление конформности и пр. Подобные феномены входят в содержимое индивидуального, а следовательно, и группового, обыденного сознаний. Что же касается идеологии, социального умонастроения и общественного сознания, то социально-психологические феномены связаны и с ними, но лишь опосредованно.

«Посредником», во-первых, выступает групповое сознание. Во-вторых, поскольку малые группы могут входить не только в симбиозы и объединения, но и в состав больших (т. е. выделенных по формальным признакам) общностей, то «посредником» оказывается и

массовое сознание, которое как раз и применяется для характеристики формальных общностей.

[с. 33]

С помощью этого понятия в психике индивида выделяются черты, отличающие его как представителя реально существующей категории населения или совокупности, созданной на абстрактном уровне исследователем (такой совокупностью может быть, например, сообщество учёных одной специальности в масштабе всей планеты или поколение людей, родившихся в определённом году). Иначе говоря, массовое сознание – это абстрактная конструкция, границы которой (а значит, и содержимое) зависит от угла зрения исследователя и которая служит ему средством обобщения и типизации в ходе социологических и конкретно-исторических сравнений.

О массовом сознании может идти речь только тогда, когда изучаемые духовные феномены свойственны всем без исключения членам выбранной общности. При этом состав и характер элементов массового сознания заранее определить невозможно. Мы знаем лишь то, что оно пересекается со всеми описанными выше идейно-эмоциональными образованиями, может в себя включать как рациональные, так и эмоциональные компоненты, как подконтрольные человеку психические феномены, так и принадлежащие к сфере *бессознательного*.

Правда, грань между подсознанием и сферой осознанного провести не так-то просто. В реальности большинство человеческих поступков (понимаемых как цепочки взаимосвязанных действий, переживаний и мыслительных актов) представляют собой сплав бессознательного и осознаваемого, а граница между ними определяется ситуацией, в которой находится индивид, и степенью полноты его рефлексии.

Сознание (в узком смысле) можно определить таким образом: это сфера человеческой психики, для осмысления которой (умозрительного рассмотрения, «осознания») не нужны дополнительные усилия (волевой импульс), не требуется привлекать или вводить заново дополнительные понятия и совершать специальные процедуры (например, сравнивать себя с другими людьми,

[с. 34]

проводить научно-психологические эксперименты). Сюда включаются те психические феномены, которые в данный момент «ясны», самоочевидны для человека, которые фиксируются его «внутренним взором» и закрепляются в оперативной памяти.

Напротив, к сфере бессознательного относятся структуры и проявления человеческой психики, находящиеся вне сиюминутного умозрительного контроля, т. е. «забытые» индивидом (хранящиеся в «подвалах» памяти) или же «невидимые» для его рассудка; при этом они, будучи вдруг осознанными («открытыми») индивидом, вызывают удивление или замешательство, становятся объектом пристального изучения, которое требует усилий – выхода за привычную систему понятий («остранения»), применения специальных методик, проведения экспериментов и т. д.

Вслед за К. Г. Юнгом в психике человека выделяют уровень «индивидуального бессознательного» (сугубо личные, уникальные установки, образы, шаблоны восприятия и мышления) и уровень «*коллективного бессознательного*», куда помещают архетипы – некие сгустки опыта прежних поколений, первообразы, мыслительные матрицы, способствующие экономному и однообразному осмыслению мира и находящие своё воплощение в многочисленных культурных текстах⁵.

Если допустить, что помимо общечеловеческих существуют архетипы локального распространения (отличающие носителей одной культуры от представителей других культур), то массовое сознание, вне зависимости от уровня анализа, т. е. величины изучаемой общности, может включать в себя лишь часть накопленного человечеством фонда «коллективного бессознательного». Но если взять лишь архетипы локального распространения, то они вполне могут целиком войти в структуру массового сознания какой-либо небольшой общности.

Точно в таких же отношениях с «коллективным бессознательным» находится и *менталитет*. Коренься в

[с. 35]

глубинах человеческой психики, он выступает в качестве базового уровня всех остальных её структур.

Понятие «менталитет» в современной справочной литературе раскрывается таким образом: это «глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное», это «совокупность готовностей, установок и предрасположенностей индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определённым образом», наконец, это «устойчивая настроенность внутреннего мира человека, спланирующая его в социальные группы и исторические общности»⁶.

В большинстве случаев это понятие синонимично «*ментальности*», однако нужно указать и на различающие их смысловые нюансы. Во-первых, в русском языке слова на -*ость* обозначают, как правило, родовые (универсальные) качества и свойства, которые существуют, лишь воплощаясь в целом ряде временных, преходящих феноменов (ср.: «государственность» и «государство»). Во-вторых, нередки случаи, когда в русский язык попадают группы слов из других языков, которые, обозначая за границей одно и то же, у нас дифференцируются, приобретают различные смысловые оттенки и вступают друг с другом в новые отношения, образуя единые понятийные связки (ср.: суверенность – суверенитет, авторитетность – авторитет, рациональность – рационализм, гуманность – гуманизм, мифический – мифологический).

Исходя из этого ментальность можно определить как способность человеческой психики хранить в своих глубинах типические инвариантные структуры, в которых проявляется принадлежность индивида к определённому социуму, времени и культуре. Своё конкретно-историческое воплощение ментальность находит во множестве менталитетов различных эпох и народов.

Для обозначения *основных структурных компонентов менталитета* предлагаются следующие термины: «парадигма сознания», «картина мира», «стиль мышления», «кодекс

[с. 36]

поведения». Определяемые ими структуры, являясь по своему происхождению и сути «безличными», «надиндивидуальными», лежат в основе мироотношения каждого человека (ср. рис. 1 и 3). Последнее, включающее также неповторимый опыт индивида, находится с ментальными структурами в отношении «вариант – инвариант».

1. Парадигма (рис. 3, сектор 1) является ядром, сердцевинной менталитета (а значит, и сознания в целом), образуя исходный уровень других его компонентов. В структуру парадигмы входят:

1) *концепция мироздания*, которая, в свою очередь, является основой картины мира и которую формируют «аксиомы сознания»*, бессознательные установки и базовые понятия,

определяющие отношение человека ко времени, пространству, природе, обществу и самому себе как микрокосму и носителю индивидуальности;

2) представления о том, что такое ценность, и соответствующий набор «ценностных образцов» – фундаментальных ценностей, которыми руководствуются все без исключения члены данной общности;

3) априорные представления о том, что такое истина, а также набор полифункциональных «аксиом сознания»,

* «Аксиомы сознания» – это идейно-эмоциональные образования, которые в данное время всеми представителями данной общности признаются (открыто или «молчаливо») конкретными воплощениями истины, поскольку не подвергаются сомнению в силу своей очевидности или привычности и не требуют какого-либо разумного обоснования в процессе их использования. Имеются в виду: архетипы; законы и правила операций с ними (символических обобщений); мыслительные и поведенческие стереотипы – как позитивные, с положительной эмоциональной окраской (например, хорошие приметы), «нейтральные», лежащие в основе обычаев, традиций и привычек, так и негативные, к числу которых относятся предрассудки, предубеждения и т. п.

Под стереотипом разумеется «стандартизированный и стабилизирующий образец или представление о социальном объекте», «прочно укоренившееся отношение группы или личности к однородным или похожим явлениям, фактам, событиям» (см.: Вичев В. Указ. соч. С. 287–288). В структурном плане стереотип можно представить как единство конкретной установки и строго определённых правил её реализации, закреплённое в сознании регулярной практикой.

[с. 37]

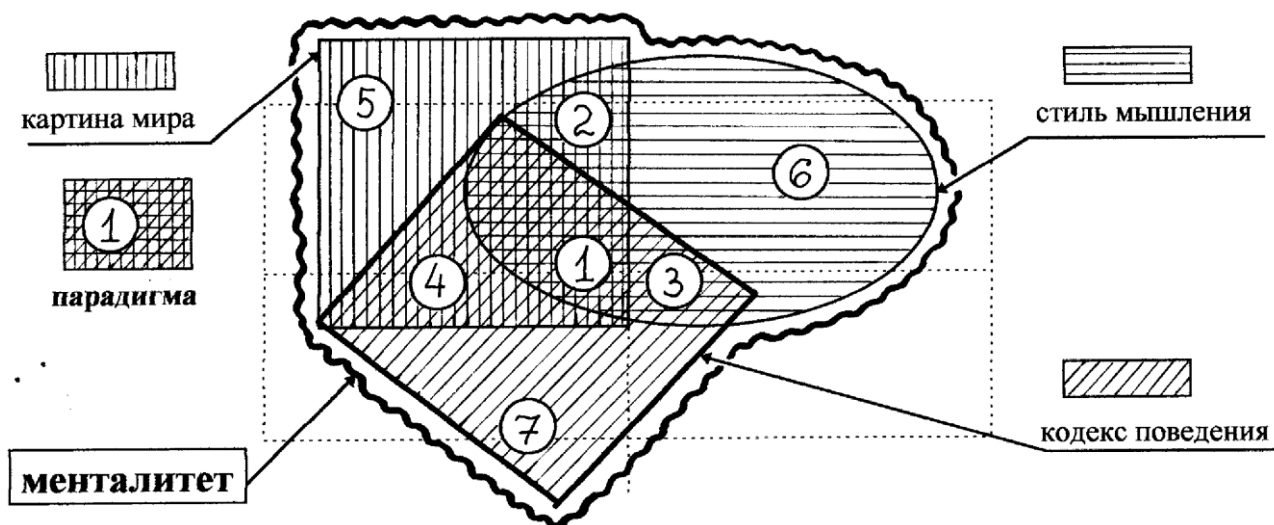

Рис. 3. Структура менталитета

[с. 38]

т. е. таких, которые присутствуют во всех ментальных структурах и выполняют одновременно три функции: средств монтажа картины мира, опорных элементов познавательно-оценочной деятельности, фундаментальных основ социальных норм и правил поведения;

4) система универсальных оппозиций сознания (предельных абстракций, связанных в бинарные конструкции), их модификаций (оппозиций менее широкого характера), их конкретных воплощений и обозначений.

2. Главными элементами *картины мира* (рис. 3, сектор 5), помимо парадигмы, являются:

1) *модель (образ, картина) мироздания* – система базовых знаний, представлений и аксиом об устройстве Вселенной, о времени, пространстве, природе, обществе и человеке (человеке вообще, а также о представителях конкретных социумов, этносов, культур); имеется в виду развернутая в повествование, нашедшая своё наглядное воплощение концепция мироздания;

2) система ценностей (реальных и декларируемых) данной общности или эпохи, представляющая собой совокупность ценностных иерархий отдельных слоёв и групп на основе фундаментальных ценностей;

3) сфера переживаний, атрибутивно связанных с данной системой ценностей и культурными текстами (знаковыми системами), фиксирующими порядок мироустройства.

3. Ядро *стиля мышления* (рис. 3, сектор 6) образуют:

1) базовые когнитивные (рациональные, оценочно-познавательные) готовности, т. е. установки, диктующие понимание того, что такое знание и заблуждение, истинность и ложность, аргумент и пр., а также ставящие предел для рефлексии, для осознания основ своего собственного мышления;

2) правила и стереотипы мышления (рассудочной, дискурсивной деятельности); речь идёт о правилах, по которым реально формируются представления, понятия и оценки в той или иной общности, строятся суждения, умозаключения и теории, а также о связанных с этими

[с. 39]

нормами шаблонных (стереотипных) алгоритмах и оценках, возникающих в результате того, что решение одних и тех же или сходных задач заставляет часть установок и соответствующих мыслительных операций соединяться в единые блоки;

3) особенности познавательно-оценочной деятельности, закреплённые (коренящиеся) в языках семиотических систем, характерных для той или иной общности (эпохи); подразумеваются грамматика культурных языков и правила их функционирования; если же речь идёт о разговорном языке, то имеются в виду своеобразие ассоциаций и особенности построения метафор;

4) фоносемантика принятого в данной общности разговорного языка (диалекта), т. е. установки, определяющие смысловую содержательность (информативность) фонетических форм;

5) комплекс эмоциональных установок и соответствующих эмоций, благодаря которым те или иные виды интеллектуальной деятельности в разное время и у разных народов имеют различную окраску и значимость;

6) особенности юмора и комического, свойственные тем или иным обществам, культурам, народам; эта группа феноменов представляет собой автономное образование в поле пересечения 3-го и 5-го элементов стиля мышления.

4. В число основных элементов *кодекса поведения* (рис. 3, сектор 7) входят:

1) абстрактные нормы и запреты макроуровня – рассчитанные на поддержание единства и стабильного функционирования больших социальных групп или культурно-исторических общностей в целом и представляющие собой костяк общепринятой системы социальных ролей, т. е. очерчивающие круг обязательных и допустимых видов и форм деятельности для представителей тех или иных категорий населения; эти нормы и запреты связаны с представлениями об устройстве и развитии общества;

2) система индивидуальных поведенческих установок и стереотипов, на которой строится повседневное поведение

[с. 40]

конкретного человека; она задаётся теми социальными ролями, которые индивид освоил и(или) которые предписаны ему окружающими;

3) социально заданные формы и заготовки ненормированного (спонтанного) поведения – типовой набор знаков и символов, из которых индивид (или группа как целое) по собственному усмотрению, но тем не менее подобно другим людям (группам), извлекает подходящие для ориентации в ситуациях, не предусмотренных заранее им самим или окружающими (например, в условиях нарушения этикета или при совершении аморальных действий); имеются в виду некоторые жесты, мимика, психомоторные реакции (к примеру, демонстративная зевота), звуковые сигналы (например, хмыканье), экспрессивная лексика и фразеология, интонации, манипуляции со своим обликом и одеждой и т. д.

5. Совместным достоянием* *картины мира и стиля мышления* (рис. 3, сектор 2) предстают:

1) общий фонд знаков, символов, образов и семиотических кодов, посредством которых закрепляется единство когнитивных процессов и их результатов (познания и знания, оценивания и оценки, мышления и эмоций), а также общепринятая интерпретация элементов данного фонда; в данном случае нас интересуют культурные языки с точки зрения их смыслового содержания;

2) оценочно-эмоциональное восприятие цвета;

3) стереотипы формирования, пополнения и перестройки картины мира как единой системы.

6. Общим элементом *картины мира и кодекса поведения* (рис. 3, сектор 4) выступает:

1) идейно-эмоциональная основа повседневных поступков индивида – набор представлений, понятий, «аксиом сознания» и переживаний, закреплённый в

* Речь идёт об элементах, принадлежащих, в зависимости от аспекта исследования, то одной, то другой ментальной структуре.

[с. 41]

обычаях, традициях и устном фольклоре, помогающий индивиду ориентироваться в обществе и выполнять функции, обусловленные его социальными ролями; сюда можно включить взгляды на труд, собственность, богатство и бедность, отношение к праву и традициям, представления о власти и авторитете, понимание семьи и брака, модели соотношения любви и секса, понятие индивидуальности и т. п.;

2) вкусовые пристрастия и предпочтения, объединяющие носителей одной культуры: господствующие типы одежды, представления о престижных и ценных видах пищи, понятие о бытовых удобствах, типовые методы ухода за телом, способы достижения привлекательности и пр.

7. К числу общих компонентов *стиля мышления и кодекса поведения* (рис. 3, сектор 3) относятся:

1) социально заданные установки, подсказывающие человеку оценку его собственных поступков и выполняющие функцию мотивов поведения, – например, диктующие индивиду понимание таких явлений, как нормальность/ненормальность, новое/старое, выгода, польза, престиж и т. д.;

2) набор символов, схем, словесных формул и знаковых кодов, необходимый, с одной стороны, для коммуникативного описания всего, что связано с познавательно-оценочной деятельностью и эмоциональной жизнью индивида, а с другой стороны, для реализации (фиксации) в поведении людей принципов этнического, социального и чисто культурного разделения и/или взаимодействия. Предметом исследования в данном случае оказывается часть метафорического фонда, а также символика цвета, материалов, металлов, графических образов и узоров, чисел и т. д.

В подаче *иллюстративного материала* допустима известная схематичность: очерёдность приводимых примеров, а также их содержание будут соответствовать порядку, в котором ранее характеризовались ментальные структуры и их компоненты.

[с. 42]

1. ПАРАДИГМА

1.1. Когда мы говорим о *концепции мироздания*, свойственной конкретной культуре (эпохе), изучаемые нами представления подвергаются столь широкому обобщению, что могут быть выражены с помощью краткой формулировки.

Возьмём, например, европейский культурный ареал и рассмотрим *отношение людей ко времени* на разных этапах его истории. Для первобытнообщинного строя (точнее, для архаической культуры, угасающей лишь в раннее средневековье) характерно циклическое восприятие времени, при котором оно дробится на самостоятельные замкнутые пласты, при котором люди и события, став частью былого, не уходят куда-то «вдаль», а незримо присутствуют в настоящем. Более того, прошлое располагается фактически впереди настоящего, поскольку будущее мыслится как повторение пройденного. При этом наряду с обычным (мирским, профанным) временем выделяется мифологическое. Мирское время включает сельскохозяйственный, календарный циклы и замкнутое родовое время⁷.

Становление государственности, принятие христианства и генезис феодализма сопровождалось перестройкой и усложнением темпоральных представлений. Европейскому средневековью свойственно циклически-линейное восприятие времени. С одной стороны, по-прежнему темпоральная структура включает в себя ряд циклов (к уже известным добавился богослужебный), а события прошлого считаются «передними». С другой стороны, зарождается и постепенно утверждается исторический взгляд на мир. Общий временной поток выстраивается в одну линию, начало которой – сотворение мира, середина – рождение Христа, конец – грядущий Страшный суд⁸.

Идея необратимого развития становится господствующей в период Новой и Новейшей истории. Время воспринимается нами линейно, как бесконечная цепь неповторимых

[с. 43]

событий, причём прошлое – всегда «сзади», а будущее – «впереди».

Подобную эволюцию пережили и *представления о пространстве*. В первобытном сознании отсутствует цельный образ пространства, последнее оказывается раздробленным, представляя собой совокупность отдельных «локусов», атрибутивно связанных с конкретным коллективом (в эпосе – с героем). Пространство рассматривается не «со стороны», а «изнутри», причём как бы со всех точек одновременно. Соответственно первобытная живопись не знает перспективы⁹.

Средневековое изобразительное искусство строится по законам обратной перспективы («семантической композиции»), соответствующей представлению о том, что центром всего

сущего является Бог. Образ пространства приобретает некую цельность, хотя исходная точка пространственного восприятия лежит по-прежнему вне человека, отмечая местоположение Творца, который находится одновременно повсюду. Средневековая картина условна (с точки зрения композиции), она совмещает в себе сразу несколько точек (углов) зрения на объект изображения.

Эпоха Возрождения, поместив человека в центр мироздания, породила новое отношение к пространству. Исходную позицию мироописания занял мыслящий субъект-зритель. Именно человек стал тем «сторонним наблюдателем», относительно которого строится вся система пространственных координат. Живопись Ренессанса, а также Нового и Новейшего времени утвердила переворот в представлениях о пространстве освоением законов линейной перспективы¹⁰.

Для первобытнообщинного строя (архаики) и средневекового общества (традиционной культуры) характерно двуединое, нераздельное восприятие времени и пространства, которые образуют «хронотоп», континуум. Общим для доиндустриальных культур является и чувственное, «живое» отношение ко времени и пространству: они принимают

[с. 44]

облик таинственных сил, могут быть «злыми» и «добрыми», сакральными и «нечистыми»¹¹.

Развитие физики в XVII–XVIII вв. было сопряжено с утверждением «холодного», механистичного взгляда на время и пространство, которые превратились в чистые абстракции, отделённые в сознании друг от друга. Теория относительности возродила представления о пространственно-временном континууме, но оставила без изменений абстрактное, лишённое эмоций отношение к нему¹².

Концептуальные основы *представлений о природе, обществе и человеке* также менялись от эпохи к эпохе. На стадии первобытности индивид ещё не выделяет себя из природного окружения, сливается мысленно с ним, что проявляется в анимизме, фетишизме, тотемизме и отсутствии пейзажных изображений (в эпосе – описаний природы). Принадлежность к человеческому роду обусловлена включённостью индивида в строго определённую общность, описываемую понятиями «мы» и «свой». Чужак считался недочеловеком и на него не распространялись представления о морали.

Средневековое искусство уже знает условный ландшафт. Это связано с тем, что человек и природа уже не сливаются воедино, а распадаются, оказываясь двумя равноправными и автономными субъектами. В то же время границы между природой и обществом по-прежнему размыты. И дело не только в том, что массовое сознание средневекового общества хранило в себе реликты дохристианских верований. Всем традиционным культурам свойственно стремление полностью уподобить жизненный уклад людей природным циклам, синхронизировать их между собой. Можно вспомнить и о том, что действие законов распространялось в средневековье и на животных, а также о том, что и тогда сохранялся взгляд на природу как некое антропоморфное существо. Что же касается принадлежности к человеческому сообществу, то оно определяется уже не фактом рождения и причислением к определённому социуму, но фактом крещения¹³.

[с. 45]

Период, наследующий средневековью, характеризуется чётким противопоставлением общества и природы, превращением последней в *объект* человеческой деятельности. Мыслящий субъект смотрит на мир «со стороны», вследствие этого у него начинает формироваться эстетическое отношение к природе. Проявлением этого является развитие

пейзажной живописи и широкое распространение лирических описаний природы в литературе.

1.2. Понятие «ценность» можно раскрыть следующим образом: это любой феномен (предмет, явление или черта внутреннего мира человека), представляющий для общества, социальной группы или индивида наибольшее значение и выступающий необходимым условием их жизнедеятельности.

В эпоху первобытнообщинного строя к числу ценностей относили только то, что имело божественное происхождение и/или обеспечивало воспроизводство первичной социальной группы – рода, племени. Соответственно ценностный статус приобретало прежде всего то, что объективно отделяло человека (общество) от животного мира (природы), и прежде всего – дары «культурного героя»: огонь, орудия труда, злаки, ремёсла, предписания и табу, социальные институты и пр. Отдельный человек, его здоровье и благополучие в категорию ценностей не входили.

Среди духовных ценностей главной был тотальный коллективизм, понимаемый как полное подчинение личных интересов общественным. Столь же высоким статусом обладала и традиция («старина»), нарушение которой оценивалось как покушение на благополучие коллектива. Наконец, в число «ценностных образцов» первобытного общества следует включить и красоту. Правда, в то время она была синонимом физической полноценности, посему допускались такие формы ухода за телом, как его деформация, татуировка, нанесение шрамов и пр.¹⁴

Античность, в целом не вышедшая за рамки архаической культуры, скорректировала «ценностные образцы» предшествующего времени. Понятие красоты включило в

[с. 46]

себя не только образ человека, но и представление о мироздании в целом. Критериями прекрасного стали гармония, порядок, соразмерность. Кроме того, список фундаментальных ценностей дополнили добро (благо) и истина. Впрочем, они фактически отождествлялись друг с другом, а также с понятиями «красота» и «польза».

Ценностный статус в античном обществе стала приобретать и личная жизнь человека, высшая цель которой описывалась понятием «счастье». Однако это понятие трактовалось по-разному. Последователи гедонизма понимали под счастьем наслаждения и благополучие. Сторонники эвдемонизма, напротив, полагали, что счастье – результат самоограничения. Стоики же видели корни счастья в добродетели и бесстрастии, независимости человека от внешних обстоятельств¹⁵.

Средневековье среди «ценностных образцов» оставило только духовные феномены; земное и материальное («полезное») стало гораздо менее значимым, нежели ранее. Истина, добро и красота нашли своё триединство и абсолютный критерий в Боге, а к ним, в качестве новых фундаментальных ценностей, добавились Вера, Надежда и Любовь. Эпоха Возрождения повлекла новую перестройку системы ценностей. Центральным элементом этой системы становится человек, провозглашённый «мерой всех вещей».

Новое время в сферу фундаментальных ценностей возвращает пользу. Человеческая личность постепенно высвобождается из пут церковной и коллективной опеки, и на смену тотальному коллективизму и традиционности приходит культ индивидуализма и новаторства¹⁶.

1.3. В современном понимании *истина* – это «объективно верное идеальное воспроизведение действительности в сознании человека»¹⁷; она в равной мере принадлежит и человечеству в целом, и отдельному человеку – познающему субъекту. Но характерно ли такое понимание для доиндустриальных обществ?

[с. 47]

Для индивида, живущего в условиях родоплеменного быта, истина является чем-то внешним, «сторонним», но образ её всегда локален и конкретен. Она совпадает с понятием «правда» и считается достоянием лишь коллектива как целого, представляя собой элемент группового сознания, объективированный в мифах, преданиях, религиозных предписаниях и т. д. Противопоставления истины и лжи на субъективном уровне ещё нет, оно существует лишь на уровне социальной группы. Причём истиной оказываются только нормы и суждения *своей* общности. Наконец, нахождение истины и приобщение к ней возможны лишь посредством совершения определённой процедуры или ритуала, смысл которых – в актуализации коллективных представлений.

Средневековое понимание истины было в своей основе аналогичным (тому причиной культ «старины», коллективизма и господство натурального хозяйства). По-прежнему считалось, что ложь во имя коллектива – не ложь, но правда. По-прежнему истин было столько, сколько было автономных социальных групп. Однако христианство заложило в сознание людей некий обобщённый образ истины, которая стала атрибутом Всевышнего – «Божьей правдой». Кроме того, христианская религия с помощью понятий «грех» и «добродетель» открыла индивидуальный путь приобщения к истине, сделав её в известной мере достоянием каждого верующего. Теперь в процессе познания человек мог опираться и на свой личный опыт, если тот, конечно, не противоречил опыту, закреплённому в коллективном сознании¹⁸.

Среди *многофункциональных «аксиом сознания»* в качестве примера можно выделить магию – элемент «мифологической» (архаико-традиционной) парадигмы. Основа магии – уверенность в жёсткой взаимосвязи объектов и явлений окружающего мира, с одной стороны, и слов, мыслей, жестов, поступков человека, с другой, причем все эти феномены разумеются равносильными и взаимозаменяемыми. Эта уверенность помогает человеку мысленно связать

[с. 48]

воедино и прочувствовать все элементы мироздания. Эта уверенность вводит в стиль «мифологического» мышления принцип аналогии, благодаря которому познание осуществляется как узнавание¹⁹. Наконец, кодексы поведения различных слоёв добуржуазных обществ обязательно включают в себя наборы магических ритуалов (охотничьих, земледельческих, воинских и пр.).

До наших дней дожила и такая древняя «аксиома сознания», как вера в Бога. Мысленное обращение человека к потусторонним силам высшего уровня позволяет не только объяснить любое явление окружающей действительности, но и диктует совершенно определённую систему рассуждений и доказательств. Вера в Бога подразумевает соблюдение целой системы правил, добавляемых к «мирскому» кодексу поведения. С этим духовным феноменом связана и вполне определённая картина мира, фокусирующая взгляд человека на фигуре Творца.

1.4. Одной из полифункциональных «аксиом сознания» является и стремление, столь привычное для доиндустриальных обществ, использовать *бинарные оппозиции (двоичные признаки-классификаторы)* для описания мира и регуляции человеческого поведения. С их помощью космогенез представляется как преобразование хаоса в космос, как поэтапное разграничение мировых сфер и стихий. Эти классификаторы также структурируют оценочно-познавательную и ритуальную деятельность людей.

Оппозиций сознания, обладающих наиболее универсальным характером, около двадцати. К ним относятся, к примеру, такие: хорошее – плохое, сакральное – мирское, счастье –

несчастье, жизнь – смерть, правый – левый, верх – низ, чёт – нечет, прямой – кривой, старое – новое, свой – чужой, грубый – изящный, прибывающее – убывающее.

Каждая из этих оппозиций имеет множество модификаций. Например, связка «жизнь – смерть» для первобытного сознания выглядела как «бессмертие – смерть». Но оба варианта, в свою очередь, могли воплощаться в противопоставлениях типа: подвижное – неподвижное,
[с. 49]

свободное – тесное. Точно так же оппозиция «прибывающее – убывающее» могла принимать форму «большой – маленький», «длинный – короткий», «широкий – узкий», «толстый – тонкий».

Систему конкретных воплощений универсальных оппозиций составляют: победа – поражение, достаток – недостаток, суша – море, огонь – влага, день – ночь, белый – чёрный, солнце – луна, близкий – далёкий, мужской – женский, правда – кривда, земля – небо, восток – запад (север – юг) и др.

В сознании людей докапиталистических обществ хранился и запас неких символов, с помощью которых обозначались те или иные оппозиции. Так, связка «чёт – нечет» могла быть передана цифрами 4 – 3 или оппозицией «квадрат – треугольник» («квадрат – круг»). Впрочем, противопоставление квадрата и круга могло символизировать и связки типа «грубый – изящный», «прямой – кривой». Подобным образом за формулой «конус – усечённый конус» усматривались оппозиции «верх – низ» и «сакральный – мирской»²⁰.

2. КАРТИНА МИРА

2.1. Понять, как «концепция мироздания» развёртывается в «*модель мироздания*» и чем они отличны друг от друга, можно на следующем примере. Рассмотрим представления о времени и пространстве, характерные для носителей «мифологического сознания» (среди которых, кстати, были и «низы» феодальных обществ²¹).

Как уже говорилось, «мифологическое сознание» воспринимает время циклически. Однако членение временного потока в разных культурах было различным. Взять, например, членение годового времени по сезонам. Наиболее распространённым было деление года на два сезона, оно отмечено у шумеров, майя, народов Сибири, монголов, тибетцев, финнов, индоевропейцев (к примеру, кельтов). Однако в Европе употреблялось и деление года на три сезона. Подобный подход свойственен также

[с. 50]

культурам Древнего Египта и Индии. Античные же Греция и Рим знали 4 сезона²².

Всем культурам опять-таки свойственно трёхчастное восприятие мирового пространства по вертикали (небо, земля, подземный мир) и четырёхчастное по горизонтали («стороны света»). В то же время представления об отдельных элементах подобных конструкций могут существенно различаться. Для европейской культуры традиционной выглядит такая ориентация в пространстве, при которой человек становится лицом на север. Но у монголов, например, основной (передней) стороной считался юг. В соответствии с этим запад считался правой стороной, а восток – левой²³.

По-разному в тех или иных культурах описывался и процесс космогенеза. Исходным материалом оказывается то грязь (ил), то пена, то «мировое яйцо», то тело убитого первосущества или первопредка («первой жертвы»). Сам же процесс может представляться как превращение одних объектов в другие, как деятельность богов и культурных героев или

же как борьба богов (культурных героев, богатырей) с хаотическими силами (хтоническими чудовищами, змеями и т. п.). Весьма распространены сюжеты, в соответствии с которыми мир порождает в священном браке земля-мать и небо-отец (луна-мать и солнце-отец). Для теокосмогонии характерно изображение процесса космогенеза как непрерывной цепи рождения богов, создающих различные природные и культурные объекты. Наконец, в некоторых космогонических мифах творение мира происходит с помощью слов (т. н. миф «о создании имён»)²⁴.

2.2. Этносы и культуры различаются между собой не только составом и характером фундаментальных ценностей. Дело в том, что в одну и ту же эпоху (при господстве одного и того же типа культуры) «ценностные образцы» могут быть общими для самых различных социумов. Различия могут определяться и расположением одинаковых элементов, их местом в *ценностной иерархии* данной общности.

[с. 51]

Так, принцип гостеприимства входит в систему ценностей любого народа, но далеко не у всех он стоит на первом месте. Почитание родителей до сих пор занимает одну из верхних строк в мусульманской ценностной иерархии, чего нельзя сказать о системе ценностей европейских (преимущественно христианских) народов²⁵.

Для европейской средневековой культуры характерно известное пренебрежение к труду и хозяйственной практике. Важность труда, конечно, осознавалась, но в системе ценностей он не занимал высокого места, представляя как необходимость, определённая свыше. Труд приобретал высокий ценностный статус лишь тогда, когда в нём усматривалась «душевная польза». Переход к индустриальному обществу повлёк за собой возвеличение хозяйственной практики; человечество постепенно осознало, что труд есть основание всей культуры и цивилизации²⁶.

Особый уровень ценностной иерархии общности как целого составляют наборы ценностей, специфические для отдельных слоёв и групп. Здесь можно вспомнить, например, об особых рыцарских ценностях, среди которых фигурировали верность сюзерену и взятому обязательству, благородство по отношению к равным, сибаритство, щедрость и роскошество, мужество²⁷.

2.3. К сожалению, об *устойчивых переживаниях, связанных с воззрениями на мир и ценностными ориентациями* людей прошлого, мы чаще всего можем судить предположительно, лишь на основе косвенных свидетельств.

Если допустить, что чувства, овладевающие людьми во время их общения с горными силами, в конечном итоге воплощаются в конструкциях культовых зданий, то в таком случае отношение к Богу, например, в Древнем Египте было сопряжено, по всей видимости, с осознанием своей ничтожности и чувством страха. Дело в том, что «в древнеегипетских храмах вся пространственная композиция сооружения окружает входящего по мере его продвижения всё теснее и исподволь настраивает его на особо мистический лад, подводя к тёмному и тесному святилищу».

[с. 52]

Что касается готических соборов, то они своими грандиозными размерами не только «напоминали простому смертному о ничтожестве его перед ликом господним», но и «выражали соответствующее средневековому мировоззрению стремление человеческой души вверх, к богу»²⁸.

Обратимся к темпоральным представлениям людей. Можно предположить, что циклическому восприятию времени соответствует, как правило, устойчивое чувство оптимизма, базирующееся на уверенности, что вслед за смертью (разрушением) обязательно следует возрождение (восстановление). Когда подобный взгляд усложняется за счёт эсхатологии (как это было в средневековой Европе), эмоциональный настрой в обществе становится двойственным: с одной стороны, людьми овладевает страх перед «концом мира», но с другой стороны, по-прежнему в них живёт уверенность, что «светопреставление» будет лишь началом обновления мира²⁹.

Если же говорить об эмоциях, атрибутивно связанных с ценностями, то представление о них мы можем составить опять-таки на примере средневековых рыцарей, для которых нормой были высокомерие и презрение к «мужикам» и «борзописцам».

3. СТИЛЬ МЫШЛЕНИЯ

3.1. То, что мы сейчас понимаем под *знанием* (а именно «проверенный общественно-исторической практикой и удостоверенный логикой результат процесса познания»³⁰), вряд ли правильно считать духовным атрибутом всех эпох и культур. Так, в настоящее время различаются «знания», «умения», «навыки», «привычки» и «обычаи», однако носители архаических и традиционных («мифологических», «фольклорных») представлений понятием «знание» как раз охватывали « всю совокупность трудовой деятельности, бытовой практики, отношений в обществе, семье, сферы обрядности, фольклора, поведения, морали». Соответственно знания (и профанические, и сакральные) большей частью представляли собой «механически передаваемые из поколения

[с. 53]

в поколение ритуализированные действия, выполнение которых в определённом порядке имело конечной целью достижение положительного или отрицательного (вредоносного) результата»³¹.

В доиндустриальных культурах совершенно своеобразным было и понимание *истинности*. Речь идёт о понимании того, где лежит граница между истиной и ложью, какие операции необходимы для получения достоверного знания, какие реалии можно считать связующими элементами между истиной и человеком.

На ранних стадиях общественного развития истинность знания (утверждения) доказывалась, во-первых, включённостью его в систему коллективных представлений, традиций, обычаев или же соответствием им, во-вторых, соблюдением при получении данного знания (проверке утверждения) общепринятых (чаще всего связанных с религиозным культом) ритуалов и процедур. Истинной считалась лишь информация, почерпнутая из коллективного опыта или согласованная с ним, либо обладающая сакральной природой – например, полученная путем гадания или посредством обнаружения аналогии в священных текстах.

Но в таком случае теряло всякий смысл различие «истины» и «знания»; формулировка «ложное знание» была просто невозможной. Соответственно не было нужды и в абстрактных, формализованных критериях истинности, а значит и в понятии «логика»³². (Философское наследие Древней Греции вряд ли правильно считать элементом и продуктом массового сознания всего античного общества).

3.2. Если продолжать разговор об «архаико-традиционном» стиле мышления, то необходимо сказать и о присущих ему *правилах и принципах оценочно-познавательной деятельности*. Пожалуй, главным среди них был принцип аналогии (отождествления) –

поиск соответствий в личном и коллективном опыте или в сакральных текстах. Сутью этого механизма

[с. 54]

является подмена причинно-следственных связей внешним сходством объектов.

Замкнутость жизни и господство натурального хозяйства не способствуют формированию абстрактного мышления. Люди, живущие в таких условиях, не умеют мыслить силлогизмами. Ведущее место в психических операциях сопоставления предметов занимают не вербально-логические связи, а процессы припоминания наглядной ситуации, поэтому полноценный вывод («новое знание») рождается не в результате сопоставления посылок силлогизма, но в результате актуализации наглядно-действенных воспоминаний. В этих условиях всякая новая информация, чтобы не быть отвергнутой, должна представлять как нечто знакомое, «старое». Познание, таким образом, принимает вид узнавания³³.

Соответственно понятий как таковых нет, их заменяют образно-чувственные представления. К примеру, «в условиях примитивных культур категориальное название цветов часто заменяется многочисленными обозначениями оттенков, различие которых имеет сугубо практическое значение». В этих культурах отсутствует и абстрактная классификация геометрических фигур (к примеру, круг обозначается как «ведро» или «сито»). Не умеют люди и заканчивать недорисованные геометрические фигуры до целого. Незавершённый круг воспринимается как «браслет» или «месяц»³⁴.

Другим способом осмысления всего происходящего для носителей «мифологического сознания» был механизм подсознательной «диффузии», в основе которого лежало такое свойство архаического мышления, как перманентная метафоризация. Речь идёт о привлечении архетипов и неких канонических ситуаций (воспоминаний) для описания и классификации явлений окружающего мира, о перенесении конкретных образов и представлений локального характера на широкую область явлений и предметов. «Диффузное мышление» проявлялось, например, в использовании патриархально-семейной лексики для

[с. 55]

обозначения властных отношений в обществе (сюзерен – «отец» или «старший брат»; монарх – «батюшка»). Другим вариантом «диффузии» было представление социальных явлений в образах семейной жизни. Благодаря этому, в частности, осмысление социального неравенства породило сказки о сироте, падчерице, младшем (обездоленном) сыне³⁵.

К числу правил и стереотипов мышления, наиболее характерных для носителей «мифологического сознания», также относятся глобальный антропоморфизм, логика сопричастия (уподобление части целому), усиленная семиотизация предметов и явлений (установка на восприятие их в качестве знаков и символов)³⁶.

3.3. *Разговор о влиянии семиотических систем, используемых человеком «по умолчанию», на его познавательно-оценочную деятельность*, логично начать с языка общения.

К примеру, носители английского языка существенно ограничены (по сравнению с носителями русского, немецкого или французского языка) в выборе и применении чисто речевых средств для осознания и оформления этикетных ситуаций, поскольку в английском отсутствуют грамматические формы для отдельного обращения к собеседнику на «ты» или на «Вы».

На мышление носителей разных языков оказывает воздействие и такая норма, как фокус эмпатии. Так, английское высказывание должно содержать лишь один фокус эмпатии. К

примеру, форма сообщения «Джон спросил свою жену» показывает, что говорящий идентифицирует себя с Джоном. За конструкцией «Муж Мэри спросил её» стоит идентификация с Мэри. Но может быть и нулевой фокус эмпатии (объективная точка зрения): «Джон спросил Мэри». Что касается высказывания типа «Муж Мэри спросил свою жену» (два фокуса одновременно), то подобная конструкция для английского языка неприемлема. Впрочем, японский язык ещё более строг, ибо говорящему на нём запрещено строить высказывания с объективным фокусом эмпатии.³⁷

[с. 56]

Своеобразие духовного мира у представителей разных культур может быть обусловлено и различиями в родокомфортном восприятии слов, обозначающих одни и те же объекты и явления. Эти различия вызваны «наличием или отсутствием в их языках грамматической категории рода. Так, в русском языке три рода – мужской, женский и средний. В литовском – два: мужской и женский. В английском, грузинском, азербайджанском такой категории нет, поэтому родокомфортный фактор здесь проявляется слабо и редко влияет на формирование национальных поэтических образов и метафор. В русском языке этот фактор, напротив, оказывает мощное воздействие на поэтическое творчество народа... Деревья, цветы, предметы, животные не просто уподобляются человеку, а символически становятся девушками или парнями, бабушками или дедушками...

В русских сказках часто действует ЛИСИЧКА-сестричка, а в западноевропейских и скандинавских – братец ЛИС. У испанцев ОРЕЛ – женского рода. Это не наша ОРЛИЦА. Это именно ОРЕЛ. МАК тоже женского рода. Мы с вами можем представить себе МАК, объясняющийся в любви к РОЗЕ, испанцы – нет.

Русское национальное восприятие тесно связано с женственной частью родокомфортного фактора. Большинство понятий, означающих душевные качества человека, – женского рода. В отличие, скажем, от литовского языка, где ДОБРОТА, ПРОСТОТА, НЕЖНОСТЬ, РАДОСТЬ, КРАСОТА, ПРЕЛЕСТЬ, ЛЁГКОСТЬ – мужского рода»³⁸.

На стиль мышления той или иной общности (культуры) влияет и принятый в ней язык математики. Использование определённой системы счисления напрямую связано с конкретным содержанием представлений о первичных, базовых множествах, а также о границе между «мало» и «много». Для нас привычна десятичная система счисления, однако до начала XX в. в народной арифметике целого ряда стран (и у русских крестьян тоже)

[с. 57]

было распространено «счисление, эквивалентное в какой-то степени использованию двоичной системы»³⁹.

Наконец, уровень развития абстрактного мышления и структура познавательной деятельности зависят и от способа записи чисел. Так, буквенная запись чисел, принятая, например, у древних евреев и в допетровской Руси, делала вычисления очень громоздкими, зато помогала видеть в каждом слове некую математическую величину. При этом магическая символика чисел нередко заставляла по-новому смотреть на смысл того или иного слова, а значит и на объект, им обозначенный. Здесь уместно вспомнить историю словесных воплощений т. н. «звериного числа», выявлением которых были столь озабочены жители Иудеи, подпавшей под власть Рима, и российские раскольники⁴⁰.

3.4. Современные исследования показывают, что и без учёта *фоносемантики* языка, т. е. взаимосвязей между оценочно-смысловым ореолом слова и его звуковой формой,

невозможно понять особенности мышления людей, принадлежащих к разным социумам, этносам, культурам.

Если говорить о современных носителях русского языка, то в их сознании «закреплены не отдельно звуки и отдельно буквы, а слитные звукобуквенные образы», каждый из которых имеет определённую содержательную характеристику. Например, звук Р воспринимается как нечто «большое», «грубое», «мужественное», тёмное, «активное», «сильное», «быстрое», «шероховатое», «тяжёлое», «страшное», «величественное», «яркое», «угловатое», «громкое», «злое», «могучее», «подвижное». Звучание же звукобуквы Ю оценивается как нечто «хорошее», «нежное», «женственное», «светлое», «слабое», «медленное», «красивое», «гладкое», «лёгкое», «безопасное», «яркое», «округлое», «радостное», «доброе».

Теперь можно объяснить, почему слово ЮДОЛЬ вышло из активного употребления: скорее всего слово погибло не потому, что отпала необходимость в обозначении такого понятия, как «место страданий, мучений», но

[с. 58]

«из-за несоответствия формы содержанию, из-за несогласованности семантических ореолов»⁴¹.

Законы фоносемантики объясняют, в частности, и то, почему заимствуются какие-либо иностранные слова, почему они меняют своё значение или эмоциональную окраску на русской почве. Распространившееся у нас в последнее время слово «киллер» не несёт отрицательного фонетико-семантического заряда, поэтому его применение весьма эффективно, если говорящему нужно представить наёмного убийцу не как душегуба, а как представителя специфической профессии. Вряд ли это слово столь же «нейтрально» для носителя английского языка.

3.5. Стремление к творчеству – универсальная черта человеческой психики. Однако самовосприятие и душевный настрой человека-творца зависят от общепринятых оценок творческого процесса, его параметров и механизмов. Эти же оценки с течением времени могут меняться. Соответственно могут меняться и чувства, переживаемые человеком в момент творчества.

К примеру, сейчас человек, уличённый в плагиате, испытывает лишь негативные эмоции (стыд, обиду, страх и пр.). Даже если он не пойман за руку, он всё равно переживает нечто подобное у себя внутри. Однако в традиционной культуре понятия «плагиат» попросту не существует, ибо процесс заимствования считается нормальным, а зачастую обязательным (при создании фольклорных произведений, летописей, житий святых и т. д.). Исходя из этого можно предположить, что заимствование как элемент творчества либо сопровождалось положительными эмоциями, либо вообще не маркировалось, будучи эмоционально нейтральным⁴².

3.6. Эпохи и культуры различаются и внутренней структурой *смехотворчества*, т. е. тем, с помощью каких средств и над чем заставляют человека смеяться, а также самим характером смеха – соотношением чувственных и мыслительных компонентов, участвующих в процессе его порождения.

[с. 59]

Смеховая культура доиндустриальных обществ, как правило, отличается грубоватым, порой непристойным юмором, основанном на гротеске, гиперболизации, нарушении различных запретов, использовании мотивов, присущих «комедии положений», а также

неразделённостью чисто развлекательных и сатирических начал. Смехотворчество – это прежде всего коллективный и регламентируемый вид деятельности⁴³.

Хотя уже античность знала иронию, которую можно считать видом интеллектуального юмора, последний играет значительную роль в смеховой культуре только с эпохи Просвещения. Само понятие «юмор» в современном его значении – продукт XVIII в.⁴⁴ Современная система смехотворчества отличается от более ранних тем, что включает парадоксы, анекдоты, каламбуры, абсурдный («абстрактный») юмор. Кроме того, для нас вполне привычен и «смех сквозь слёзы», когда душу одновременно обуревают противоречивые чувства – облегчения и негодования, радости и горечи, оптимизма и бессилия.

4. КОДЕКС ПОВЕДЕНИЯ

4.1. *Разговор о запретах и предписаниях макроуровня* начнём с примеров, характеризующих особенности половозрастной регламентации поведения в различных культурах.

Как показывают исследования этнографов, у всех земледельческих народов серпом жали и мужчины и женщины, а вот косой работал только мужчина. Если же говорить о культурах, где главным занятием было скотоводство, то оно могло входить в кодекс поведения различных половозрастных групп. Например, у курдов, горных таджиков и других полукочевников Азии выпас скота (на летовках высоко в горах) был уделом как женщин, так и мужчин, но среди последних этим постоянно занимались лишь дети и старики. Зато у кочевников Азии именно мужчины пасли скот, а на долю женщин оставался уход за молодняком, выпас животных около поселка, охрана их в ночное время и заготовка молочных продуктов.

[с. 60]

В соответствии с господствующими представлениями о «мужском» и «женском» поведении регламентировались и занятия ремёслами. Так, в Древней Греции художественное вязание считалось женским ремеслом, в средневековой Европе – напротив, мужским, а в Новое время опять перешло в сферу традиционных женских работ.

История ремесла содержит и примеры общественной регламентации поведения индивидов согласно их социальному статусу. Во многих традиционных обществах были профессии, владение которыми жёстко увязывалось с понижением или повышением правового статуса. В частности, стрижка и укладка волос оценивались как занятия, не достойные полноправных граждан, соответственно этим профессионально занимались лишь люди, не входящие в состав «свободного» населения. В Индии до сих пор существуют касты цирюльников; никто другой не должен делать их работу, иначе потеряет свою кастовую принадлежность.

Кстати, выбор причёски ранее тоже напрямую диктовался общепринятыми понятиями о запретном, должном и позволительном для тех или иных групп населения. Почти повсеместно мужчинам из неполноправных слоев запрещалось носить длинные волосы (рабы древних британцев, греков, турков). У многих народов Океании семейное подчинение женщины по-прежнему выражается в короткой причёске при наличии длинной у мужчин.

Наконец, формой причёски различаются и конфессии. Буддийские монахи, а также мужчины-мусульмане ряда стран бреют голову, в то время как индийским сикхам, наоборот, запрещается стричь волосы⁴⁵.

4.2. *Индивидуальный кодекс поведения*, базируясь на представлениях о системе этносоциального разделения и о месте человека в обществе, включает в себя: а) ценностные ориентации различного уровня, б) память о ролевых ожиданиях окружающих и образцах для

подражания, в) установки и стереотипы поведения, соответствующие тем постоянным социальным позициям, которые

[с. 61]

занимает индивид⁴⁶. Последний, с точки зрения глубинных основ его поведения, в каждый момент времени выступает носителем целой системы социальных ролей, костяк которых образуют статусные роли.

Во-первых, на этапе социализации каждый человек, в зависимости от того, какого он пола, усваивает и/или вырабатывает в себе установки и стереотипы, которые формируют его поведение по «маскулинному» или же «феминному» типу.

Представления об отличительных чертах «мужского» и «женского» повседневного поведения в разных культурах могут существенно отличаться⁴⁷. Ярким примером служит такая особенность национального шотландского мужского костюма, как похожий на юбку килт.

Ещё один пример: пожалуй, все культуры знали (знают) раскраску кожи как необходимое условие появления человека «на людях» или совершения им определённых ритуалов. В наше время это прерогатива женщин, однако в древности этим занимались главным образом мужчины, причём раскрашивалось не только лицо, но и чуть ли не всё тело. Подавляющее большинство народов отдавало первенство красному цвету, но, к примеру, древние бритты употребляли для раскраски кожи в основном зелёный цвет, сваны – чёрный, андаманцы – жёлтый⁴⁸.

Во-вторых, принадлежность к определённому социальному слою (а внутри его – к определённой группе) заставляет человека стремиться к поддержанию своего социально-психологического статуса (авторитета) посредством соблюдения соответствующих предписаний и запретов, а также посредством самоориентации на систему ценностей, принятыми лицами, образующими среду его постоянного общения.

К примеру, во всех традиционных обществах «универсальными чертами поведения человека с высоким социальным статусом представлялись такие, как замедленность движений (вплоть до полной неподвижности, статичности), тихий голос, сдержанность в проявлении эмоций,

[с. 62]

прямой неподвижный взгляд, сведенная к минимуму жестикуляция»⁴⁹. Правда, иногда верховный правитель был вынужден соблюдать и дополнительные требования: «в некоторых обществах Океании вожди должны были быть очень полными и их откармливали специальной диетой. Отличались они от соплеменников ещё и тем, что кожа их была более светлой»⁵⁰.

Картина усложняется, если учесть, что индивид может входить сразу в несколько социальных групп и, соответственно, ориентироваться на разные ролевые ожидания, связанные с ним.

В-третьих, постоянный характер имеет система родственных ролей. Программа их освоения у представителей одного пола в принципе одинакова, она включает в себя и переходы от одной роли к другой, и «обрастание» новыми ролями по мере взросления человека.

Своеобразие той или иной культуры ярко проявляется в том, какие нормы составляют кодекс поведения, например, жены и мужа. «Характерно, что одна из основных регулирующих ячеек китайского традиционного социума – семья была полностью отключена

от решения проблемы мужское – женское в качестве взаимоотношений между полами... В основе традиционной семьи лежали не отношения между мужчиной и женщиной, но отношения поколений, в чём проявлялась полная асексуальность китайской семьи...

Принципы, на которых строилась система родства – родословная, поколение, пол и главенствование, не оставляли места для европейского регулянта – любви... В семье жена была прежде всего принадлежностью родителей мужа, а не его самого, именно им она предназначала исполнение своих первейших обязанностей. Муж, в свою очередь, также ставил своих родителей многократно выше, чем супругу»⁵¹.

Мог быть и родовой кодекс поведения, причём одинаковый для всех членов клана или же только для их части – например, лишь для женщин. Об этом повествует история Древнего Рима, где женщины из рода Цинцинатов носили

[с. 63]

длинные волосы, из рода Торкватов – золотую цепь, из рода Аттилиев – не носили полотняных одежд и т. д.⁵²

В-четвёртых, по мере перехода из одной возрастной группы в другую меняются и поведенческие установки, регулирующие общение индивида с посторонними людьми, ибо это соответствует эволюции ролевых ожиданий. В этом смысле модель поведения, рассчитанная на данную этикетную ситуацию, тоже может считаться одной из статусных ролей.

Нас не удивляет, когда ребёнок обращается к незнакомому взрослому на «ты», но мы уверены, что подобное обращение уже не допустимо для подростка, юноши или зрелого человека (если, конечно, они считают себя воспитанными). Но когда человек переходит в категорию стариков, ему опять позволено разговаривать на «ты» даже с незнакомыми людьми.

«Разучивание» социальных ролей возможно лишь при усвоении человеком набора базовых ценностей этноса, социума и конфессии, представителем которых он является. При этом оно более эффективно, если существуют люди (реальные персонажи или герои мифов и эпоса), чьё поведение рассматривается как идеальное воплощение какой-либо роли.

4.3. Всякая культура обладает запасом разнообразных знаков и символов, которые помогают людям легко понимать друг друга в ситуациях спонтанного общения, в ходе не предусмотренных заранее межличностных и межгрупповых контактов, а также при отказе контактирующих от первоначального (предписанного) сценария поведения.

Например, существуют знаки для подчёркнутого выражения уважения, для демонстрации изменений в своём социальном статусе и т. д. Допустим, индивид желает повысить свой авторитет в глазах окружающих. В этом ему может помочь широко распространённый обычай потреблять или предлагать в виде угощения пищу с престижным значением. Разумеется, у каждого народа свой

[с. 64]

набор подобных яств. Так, в странах Юго-Восточной Азии до XIX в. престижной пищей был рис (в отличие от общедоступных корнеплодов) или мясная пища (в отличие от растительной).

Хотя эмоциональная жизнь человека плохо поддаётся общественному контролю, тем не менее одним из его механизмов следует считать наличие в каждой культуре особой («инвективной», «экспрессивной», «нецензурной») лексики, специально рассчитанной на выражение отрицательных эмоций и в то же время воспринимаемой в качестве «низкой»,

«грязной». Но поскольку кодекс поведения часто определяется конкретной ситуацией, в которую попал человек, поскольку ситуации могут быть, с точки зрения общества, аномальные, постольку для выхода из подобных ситуаций вполне разрешается (а иногда и предписывается) применять то, что в нормальных условиях недопустимо.

Для выражения своих эмоций люди прибегают и к общепринятому в их культуре языку мимики и жестов, которые далеко не всегда выполняют лишь функции, аналогичные функциям экспрессивной лексики. Множество жестов эмоционально и оценочно «нейтральны», они передают «чистую» информацию (например, кивок головой, который у русских означает «да», у болгар же – «нет»). Существуют жесты, выражающие, напротив, «чистые» эмоции. Так, хлопок в ладоши в Европе издавна обозначает одобрение, в Средней Азии – горе, отчаяние, в Азербайджане – разочарование, в Абхазии – удивление.

Впрочем, жесты могут входить в индивидуальный кодекс поведения, будучи ценными сами по себе, а не потому, что выражают какие-либо эмоции, идеи. В этом случае жест – элемент ритуала. Например, вытянутая вперед ладонь с растопыренными пальцами служит магическим оберегом (индейцы Америки, народы Ближнего Востока) или же насылает проклятие (арабы Магриба и Передней Азии)⁵³.

[с. 65]

5. СОВМЕСТНОЕ ДОСТОЯНИЕ КАРТИНЫ МИРА И СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ

5.1. В процессе познания формируются понятия, образы, знаки и символы, которые аккумулируют полученную информацию, а в дальнейшем служат шаблонами или матрицами, упрощающими и ускоряющими получение новых знаний, их усвоение, проверку, систематизацию.

Многие из подобных «сгустков опыта» употребляются бессознательно, их-то и называют архетипами. Однако наблюдения за окружающим миром у всех народов сопровождались появлением образов, которые, сохраняя первоначально связь с породившими их реальными явлениями, получали всё более широкое толкование и превращались в символы, активно и вполне сознательно используемые в произведениях фольклора, процессах коммуникации, оценках человеческого поведения.

Важную роль в древности играл, к примеру, образ рыболовной сети (рыболовства). В Китае этот образ породил основные метафоры и термины для понятий культуры, мудрости, письменности. Мотивы рыболовства характерны и для раннехристианской символики (Христос, улавливающий души), и для романского, готического, ранневизантийского искусства (рыба или рыболовные снасти как аксессуары апостола Павла и Антония Падуанского)⁵⁴.

Яблоко в Древней Греции было атрибутом и символом Афродиты, в христианстве оно символизировало плодородие и человеческое грехопадение, а в Средней Азии было символом не только плодородия, но и власти, избранничества. В русском же фольклоре под яблоком часто подразумевалась девушка.

Символом плодородия (равно как и трудолюбия) в традиционной восточноевропейской вышивке служили «уточки». У древних же ирландцев, судя по узорам вязаных кофт, трудолюбие символизировали «соты», а плодородие – «дерево туя».

Разные культуры отличаются друг от друга и тем, какие образы лежат в основе их космической модели. В древности

[с. 66]

наиболее распространена была растительная модель мира (образ «мирового дерева»), но в качестве её эквивалента существовали «мировая гора», «космическая река», а также антропоморфные и зооморфные модели, с которыми образ «мирового дерева», как правило, совмещался⁵⁵.

5.2. Разница в *оценочно-эмоциональном восприятии цвета* маркирует как эпохи в истории одной культуры, так и своеобразие разных культурных общностей в один и тот же период времени.

Если не выходить за рамки европейского культурного ареала, то можно привести такой пример: до второй мировой войны коричневый цвет не вызывал отрицательных эмоций, будучи в целом «нейтральным», таким, как множество других цветов тёмного спектра, однако из-за того, что его сделали цветовым символом нацизма, он теперь может нести (в определённом контексте) сугубо негативную нагрузку.

Любопытно сравнить восприятие цвета у разных народов в настоящее время. «В подавляющем большинстве языков слово СЕРЫЙ имеет отрицательный оценочный заряд, а для индийцев, говорящих на языке хинди, СЕРЫЙ – «хороший». КРАСНЫЙ – «хороший» для русских, бельгийцев, американцев и многих других народов, но он же отрицательно заряжен в турецком и ливанском языках. ЖЁЛТЫЙ нравится шведам, туркам, индийцам, а «плохой» он для американцев, французов, бельгийцев, иранцев. ЗЕЛЁНЫЙ отрицательно заряжен у американцев, а положительно – у турок, афганцев, индейцев»⁵⁶.

5.3. Составить представление о том, что такое *стереотипы формирования, пополнения и перестройки картины мира как единой системы*, можно на примере «мифологического сознания».

Во-первых, присущим ему стереотипом является классификация объектов и явлений окружающего мира не на основе сопоставления и группировки признаков (как это привычно для нас), а на основе сопоставления их ценностных статусов. Внутренняя иерархия создаваемых классов

[с. 67]

соответствует постепенному переходу от наиболее значимых (жизненно важных) элементов к менее значимым.

Во-вторых, при формировании картины мира связи между объектами (явлениями) и их классами обеспечиваются использованием бинарных оппозиций, благодаря чему одно и то же содержание может быть выражено с помощью различных знаковых кодов (растительного, астрономического и др.). При пополнении и перестройке наличной картины мира жёсткость и схематичность противопоставлений преодолевается с помощью медиации, суть которой заключается в замене оппозиции объектом, сочетающем полярные признаки. Также употребляется перекодировка (переоценка) привычных оппозиций. Глобальные взаимосвязи и взаимовыводимость элементов «мифологической» картины мира являются альтернативой причинно-следственным отношениям в современном («естественнонаучном») типе сознания.

В-третьих, для носителей «мифологического сознания» выявить сущность явления – значит описать его происхождение. Соответственно картина мира представляет собой диахроническое описание всей последовательности процесса космогенеза.

В-четвёртых, к устойчивым стереотипам универсального характера, присущим данному типу сознания, можно отнести «мифологическую персонификацию истории», т. е. стремление объяснять главные достижения человечества деятельностью «культурных героев» и легендарных предков.

В-пятых, поскольку число предметов и явлений видится ограниченным, всё многообразие окружающего мира объясняется трансформациями и перевоплощениями одной и той же совокупности объектов. При этом различные модификации одного и того же объекта

образуют в «мифологическом сознании» некую целостную систему и даже фактически отождествляются друг с другом⁵⁷.

Культуры, в которых господствует «мифологическое сознание», различаются между собой конкретными реализациями

[с. 68]

(наглядными воплощениями) указанных стереотипов: например, тем, какие животные или растения лежат в основе классификационных разрядов и базовых оппозиций, либо тем, какой цвет обозначает определённую сторону света. Так, согласно традиционным представлениям монголов, север обозначался чёрным цветом, юг – красным, запад – белым, восток – синим или голубым. Тюркам же присущи были такие соответствия: север – чёрный, юг – белый, запад – жёлтый или красный, восток – синий или зелёный⁵⁸.

6. ОБЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ КАРТИНЫ МИРА И КОДЕКСА ПОВЕДЕНИЯ

6.1. Проблема глубинных, по преимуществу подсознательных, структур, определяющих поведение людей в той или иной культуре и составляющих основу их социально-политических, нравственных, правовых и пр. взглядов, – одна из наиболее разработанных в отечественной культурологии. Правда, большей частью эта проблема интересовала филологов, этнологов, антиковедов и медиевистов-«западников». Исследователи, изучающие российскую историю, пока не могут похвастаться такими же успехами, уступая и числом публикаций, и шириной охваченного в них материала⁵⁹.

Недостатком историографии является и то, что довольно часто дело ограничивается накоплением данных, относящихся лишь к одной стране (культуре), в лучшем случае – группе стран, образующих единый культурный ареал. Между тем настоятельно необходимым представляется постоянное обобщение накопленного материала. Ведь уже простое сопоставление различных культур по одному и тому же параметру несёт в себе новую информацию, касающуюся объектов сравнения. Такая информация, кстати, при скудости источников может составлять львиную долю тех знаний, что мы получаем в процессе исследования культур далёкого прошлого.

[с. 69]

Взять, например, столь распространённый некогда феномен, как смех в ритуалах, воплощающих или актуализирующих представления о смерти. Глубинной подоплёкой этого феномена является уверенность в том, что смерть – лишь форма перехода в новое состояние жизни, а смех облегчает этот переход, более того, смех и рождает новую жизнь. Культурное своеобразие заключается в степени всеобщности и конкретных воплощениях подобного способа «жизнетворения».

В первобытных обществах смерть и смех шли бок о бок либо на охоте (охотник, убив зверя, смеялся, чтобы тот возродился в новом качестве), либо в поле при жатве (земледелец смехом пытался обеспечить будущий урожай). В эпоху античности и средневековья смех был частью ритуалов не только календарного, но и похоронного цикла. Римский праздник луперкалий был связан с ритуальным весельем, которое сопровождало символические убийство и воскрешение двух юношей. Финикийцы смеялись, когда убивали своих детей, а жители Сардинии – когда предавали смерти стариков. В средневековой Западной Европе на похороны приглашались шуты, а во время пасхального богослужения приходские священники частенько отпускали шутки (даже непристойного содержания), чтобы

рассмешить свою паству. Рудименты подобного отношения к смеху-«жизнедателю» сохранились и в русском фольклоре⁶⁰.

6.2. Доказывать то, что *вкусовые пристрастия и предпочтения*, – один из важных элементов, определяющих этническое (культурное) своеобразие, особой нужды нет, поскольку это видно, что называется, «невооружённым глазом». И тем не менее нельзя не остановиться на этом аспекте менталитета, ибо часто бывает так, что по этому параметру оказываются на одной полке народы, разделённые тысячами километров и целыми пластами времени.

Действительно, отсутствие стульев и столов (в лучшем случае – наличие низких столиков) отличают не одних лишь кочевников, но и традиционную культуру некоторых

[с. 70]

земледельческих народов (таджики, узбеки, народы Юго-Восточной Азии, японцы, турки), и ряд охотничьих социумов (народы Крайнего Севера). У многих из этих этносов понятие о бытовых удобствах включает в себя также и возможность быстрой перепланировки домашнего пространства. Это достигается либо изменением формы переносного жилища, либо использованием ширм и передвижных перегородок.

Весьма неожиданные соответствия можно обнаружить, когда сравниваешь пищевые пристрастия разных эпох и народов. Например, донские казаки уподоблялись древним римлянам в том, что брезговали щукой, обзывая её «лягушатницей». Противоположное отношение к щуке демонстрируют иудеи, для которых она – почти национальное блюдо. В период средневековья щуку очень ценили и англичане, ставя её даже выше лосося⁶¹.

Всем народам свойственно выделять в годовом цикле будни и праздники. Сообразно с этим разделяются и наряды, причем праздничная одежда, как правило, более изысканна и сложна по своей конструкции, нежели повседневная. Разница между культурами определяется тем, какие элементы составляют обязательный праздничный или будничный наряд, сколько видов таких нарядов и для каких случаев они предусмотрены.

Если у каких-либо народов одежда однотипна, то она различается отделкой своих элементов. Например, у многих этносов элементом традиционного праздничного наряда были вязанные чулки, покрытые затейливым узором. Но в одних случаях чулки были однотонными, в других (русские Европейского Севера, коми) – многоцветными⁶².

7. ОБЩИЕ КОМПОНЕНТЫ СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ И КОДЕКСА ПОВЕДЕНИЯ

7.1. Примером того, как *оценочно-познавательные установки выполняют функцию мотивов поведения*, может служить понимание пользы.

[с. 71]

В архаической и традиционной культуре полезным является лишь то, что соответствует «старине», коллективным представлениям о должном порядке вещей. Польза не может быть описана терминами типа «удобство», «эффективность», «выгода», «практичность». Поэтому явное и сознательное внедрение новаций неприемлемо и просто невозможно.

Так, жёсткое седло с двумя стременами (наиболее удобное для езды верхом) возникло ещё в сер. I тыс. н.э., между тем и поныне есть народы (например, бедуины), которые предпочитают верховую езду на лошадях без стремян. Можно привести и такой факт. Введение бумажного производства в России (1565 г.) было сопряжено с возведением водяных мельниц, которые, однако, воспринимались в народе как сатанинские сооружения.

Следствием такого отношения к технической новинке были народные бунты (к примеру, под Москвой в 1576 г.), в ходе которых эти мельницы сжигались.

Не всегда, впрочем, неприятие новаций приводило к открытой борьбе с ними. Новое могло укорениться, но на пути его дальнейшего распространения возводились крепкие стены. Так, в Китае после открытия бронзового литья почти все виды бронзовых сосудов были посвящены культу предков и, соответственно, изъяты из повседневного употребления⁶³.

Самооценку исполнителей фольклорных произведений и настрой их слушателей в доиндустриальных обществах тоже определяли особенности их стиля мышления, а именно – архаичное понимание нормальности/ненормальности. «Устный» характер фольклорной культуры приводит к тому, что произведения фольклора существуют лишь в системе вариантов, не имея в принципе зафиксированного раз и навсегда текста. Таким образом, норма здесь противостоит унификации. При этом вариативность, как принцип мышления, коррелирует с принципом конкретности – принципом обязательной «привязки» жанра и объёма фольклорного произведения, а

[с. 72]

также манеры его исполнения к определённому месту, времени, обряду, аудитории.

Наконец, на исполнение и восприятие фольклорных произведений могла влиять и такая черта «мифологического сознания», как отождествление анализа какого-либо явления с описанием его происхождения. Например, загадывание и отгадывание загадок было обязательным элементом ритуалов, связанных с проводом старого и встречей нового года. При этом загадки обычно загадывались в последовательности, более или менее повторяющей порядок сотворения мира: небо – земля – солнце, месяц, звёзды – время – растения – животные – человек – дом и т. д.⁶⁴

7.2. Набор культурных «заготовок» семиотического характера, необходимый для регуляции социальной жизни, но при этом структурирующий и оценочно-познавательную деятельность, в примитивных обществах включал прежде всего различные виды орнамента.

Из орнаментальных мотивов с функцией оберега наиболее популярными были солярные розетки, круги, ромбы и квадраты. Помимо этого, характер и расположение узоров на одежде (теле) служили выделению различных социальных и половозрастных групп. Одни народы предпочитали использовать для этого растительный орнамент, другие же предпочитали зооморфный или геометрический.

Большой интерес представляет и символика цвета. Белый цвет у всех народов был атрибутом сакрального. В то же время он мог быть связан и с важнейшими событиями человеческой жизни, входя в систему кодекса поведения. Белую одежду человек надевал, когда вступал в лоно церкви (конфирмация) или в брак; он мог её носить и в знак траура (обычай японцев); она могла оказаться и знаком смерти (саван). Белый цвет одежды маркировал жрецов и носителей высшей власти (впрочем, последние могли выделяться и другими по цвету – например, красными одеждами, как это было в Индии, Византии).

[с. 73]

Символику цвета дополняла символика материалов. Опять-таки в сакральных ситуациях использовался, как правило, материал белого цвета. Но выбор его был различен у разных народов. Так, у монголов сакральным материалом являлся белый войлок: на него сажали молодых в свадебном обряде, его расстилали на месте погребения человека, на нём поднимали в воздух только что избранного великого хана. В Полинезии сакральным материалом считалась тапа (лубяная ткань): она использовалась в свадебном обряде, ею

накрывали изображения богов. Однако она могла выполнять и запретительную функцию: будучи вывешенной в определённом месте, она означала табу на культовые места или плодоносящие деревья⁶⁵.

¹ См., например, о структуре мировоззрения: *Платонов К. К.* Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1984. С. 68; *Философский энциклопедический словарь* (далее – ФЭС). М., 1983. С. 375; о понятии «картина мира»: *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. М., 1988. С. 37–38, 44–47, 50–54, 139, 182; *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. С. 7–8; *Бессмертный Ю. Л.* Жизнь и смерть в средние века. М., 1991. С. 13.

² Ср.: *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990. С. 366; *Современная западная философия: Словарь* (далее – СЗФ). М., 1991. С. 227; *Свод этнографических понятий и терминов* (далее – СЭПТ). М., 1991. Вып. 4. С. 75–76; *Молчанов В. И.* Парадигмы сознания и структуры опыта // *Логос*. 1992. № 3. С. 7–10, 23–24, 30–33.

³ См.: ФЭС. С. 638; *Вичев В.* Мораль и социальная психика. М., 1975. С. 298–299. Под «групповым симбиозом» я подразумеваю ситуацию постоянного и всестороннего взаимодействия (взаимозависимости) нескольких первичных социальных групп; «групповое объединение» отличается тем, что взаимодействие временное и на определённых условиях.

⁴ *Парыгин Б. Д.* Социальное настроение как объект исторической науки // *История и психология*. М., 1971. С. 99–100, 110.

⁵ См.: ФЭС. С. 815; СЗФ. С. 28, 398–399.

⁶ СЗФ. С. 176–177.

⁷ См.: *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 46–49, 103–111, 158; СЭПТ. Вып. 4. С. 53–54, 77.

⁸ См.: *Гуревич А. Я.* Категории... С. 113–123, 156; *Лихачёв Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 215, 254–255; *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1978. Вып. 5. С. 184–185.

[с. 74]

⁹ См.: *Гуревич А. Я.* Категории... С. 79–80, 90–91; *Путилов Б. Н.* Героический эпос и действительность. Л., 1988. С. 18–19, 25–31.

¹⁰ См.: *Гуревич А. Я.* Категории... С. 97–99; *Успенский Б. А.* К системе передачи изображения в русской иконописи // *Уч. зап. Тартуского ун-та*. 1965. Вып. 181. С. 248–257.

¹¹ См.: *Гуревич А. Я.* Категории... С. 45–46, 101, 111–113, 145–151; СЭПТ. Вып. 4. С. 31; *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Указ. соч. С. 103, 110–112, 118–120, 168, 173.

¹² См.: *Ярская В. Н.* Время в эволюции культуры. Саратов, 1989. С. 57–67.

¹³ См.: *Гуревич А. Я.* Категории... С. 22, 49, 58–59, 66–70, 74–79, 174–175, 177, 294; СЭПТ. Вып. 4. С. 53, 78.

¹⁴ См.: СЭПТ. М., 1989. Вып. 3. С. 203–205; Вып. 4. С. 31, 67, 79; *Соколов Э. В.* Культура и личность. Л., 1972. С. 196–197.

¹⁵ См.: СЭПТ. Вып. 3. С. 204; *Столович Л. Н.* Красота. Добро. Истина. М., 1994. С. 24–25; ФЭС. С. 105, 527, 655, 786.

¹⁶ *Столович Л. Н.* Указ. соч. С. 36–37, 42–49; *Соколов Э. В.* Указ. соч. С. 197–198.

¹⁷ *Кондаков Н. И.* Логический словарь. М., 1971. С. 188–189.

¹⁸ См.: СЭПТ. Вып. 4. С. 8; *Ерунов Б. А.* Мнение и умонастроение в историческом аспекте // *История и психология*. М., 1971. С. 109; *Лурия А. Р.* Психология как историческая наука // *История и психология*. С. 56; *Гуревич А. Я.* Категории... С. 187–191; *Он же.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 99, 165–167, 207.

¹⁹ См. *Гуревич А. Я.* Проблемы... С. 32.

-
- ²⁰ См.: СЭПТ. Вып. 4. С. 63; *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Указ. соч. С. 63 и сл.; *Кузнецов И. В.* Одежда армян Понта (опыт структурного семиотического анализа): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 11–12.
- ²¹ См.: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Миф – имя – культура // Уч. зап. Тартуского ун-та. 1973. Вып. 308. С. 282–303.
- ²² СЭПТ. Вып. 4. С. 54.
- ²³ *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 160.
- ²⁴ СЭПТ. Вып. 4. С. 63–64.
- ²⁵ См.: *Байбурун А. К., Топорков А. Л.* У истоков этикета. Л., 1990. С. 12.
- ²⁶ См.: *Гуревич А. Я.* Категории... С. 227–228, 268–280, 326; *Чёрная Л. А.* Проблема человеческой личности в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 20; *Здравомыслов А. Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986. С. 178.
- ²⁷ См.: *Гуревич А. Я.* Категории... С. 182, 209, 215, 255–260, 268–269; *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. М., 1981. С. 81–126.
- ²⁸ СЭПТ. Вып. 3. С. 77.
- ²⁹ См.: СЭПТ. Вып. 4. С. 76–77; *Гуревич А. Я.* Категории... С. 121, 136.
- ³⁰ ФЭС. С. 192.

[с. 75]

- ³¹ СЭПТ. Вып. 4. С. 6–7, 43, 45–46.
- ³² См.: СЭПТ. Вып. 4. С. 8; *Лурия А. Р.* Указ. соч. С. 56; *Гуревич А. Я.* Проблемы... С. 32; *Он же.* Категории... С. 188; *Лотман Ю. М.* Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 507.
- ³³ См.: *Гуревич А. Я.* Проблемы... С. 207; *Раевский Д. С.* О генезисе повествовательной мифологии как средства моделирования мира // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 66.
- ³⁴ См.: *Лурия А. Р.* Указ. соч. С. 52–54, 58–60.
- ³⁵ См.: *Раевский Д. С.* Указ. соч. С. 67–68; СЭПТ. Вып. 4. С. 115.
- ³⁶ См.: СЭПТ. Вып. 4. С. 8, 31, 76, 78–79.
- ³⁷ См.: Лингвистический энциклопедический словарь. С. 592.
- ³⁸ *Журавлёв А. П., Павлюк Н. А.* Язык и компьютер. М., 1989. С. 90–92.
- ³⁹ *Кондаков Н. И.* Указ. Соч. С. 112.
- ⁴⁰ См.: *Смирнова И. М.* Мистика чисел, камней, знаков: Из жизни суеверий. М., 1992. С. 16–17; *Щапов А. П.* Русский раскол старообрядства... Казань, 1859. С. 107.
- ⁴¹ *Журавлёв А. П., Павлюк Н. А.* Указ. соч. С. 101, 103, 112.
- ⁴² См.: *Гуревич А. Я.* Категории... С. 22, 140; *Он же.* Проблемы... С. 45; *Лихачёв Д. С.* Указ. соч. С. 15–16, 20, 88–89.
- ⁴³ См.: СЭПТ. Вып. 4. С. 128–129, 134; *Гуревич А. Я.* Проблемы... С. 271–324; *Лихачёв Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984.
- ⁴⁴ См.: *Будагов Р. А.* История слов в истории общества. М., 1971. С. 175–193; СЭПТ. Вып. 4. С. 20–21; *Пави П.* Словарь театра. М., 1991. С. 146–155.
- ⁴⁵ СЭПТ. Вып. 3. С. 13, 150, 152, 162, 204; Вып. 4. С. 34–35.
- ⁴⁶ См., например: *Соколов Э. В.* Указ. соч. С. 180–188.
- ⁴⁷ См.: Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991; *Лев-Старович З.* Секс в культурах мира. М., 1991.
- ⁴⁸ СЭПТ. Вып. 3. С. 205.
- ⁴⁹ *Байбурун А. К., Топорков А. Л.* Указ. соч. С. 66.
- ⁵⁰ СЭПТ. Вып. 3. С. 204.

⁵¹ Маслов А. А. Образы маскулинности – фемининности и супружеских отношений в традиционном Китае // Этнические стереотипы... С. 58.

⁵² СЭПТ. Вып. 3. С. 204.

⁵³ СЭПТ. Вып. 3. С. 137; Байбурун А. К., Топорков А. Л. Указ. соч. С. 24, 27, 43.

⁵⁴ СЭПТ. Вып. 3. С. 17, 158; СЗФ. С. 399; ФЭС. С. 815.

⁵⁵ См.: Смирнов Ю. Почему Ева съела яблоко? // Памир. 1985. № 8. С. 140–144; СЭПТ. Вып. 4. С. 34–35, 61–62.

⁵⁶ Журавлёв А. П., Павлюк Н. А. Указ. соч. С. 89.

⁵⁷ См.: СЭПТ. Вып. 3. С. 16, 102; Вып. 4. С. 31, 67–76, 78–79, 145, 149; Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Указ. соч. С. 283–284, 295–300.

⁵⁸ См.: Агеева Р. А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 74; Егоров В. Л. Указ. соч. С. 160.

[с. 76]

⁵⁹ См.: Ястребицкая А. Л. Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике // Одиссей: Человек в истории: 1991. М., 1991. С. 84–102; см. также тематику работ в этом и других выпусках «Одиссея» (с 1989 г.).

⁶⁰ См.: Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 178–193.

⁶¹ См.: Песков В. Маловато воды для щуки... // Комсомольская правда. 1996, 12 мая. С. 9.

⁶² СЭПТ. Вып. 4. С. 35.

⁶³ СЭПТ. Вып. 3. С. 18, 71, 99; Гуревич А. Я. Категории... С. 227–228; Социальная психология: История. Теория. Эмпирические исследования. Л., 1979. С. 239.

⁶⁴ См.: СЭПТ. Вып. 3. С. 28–30, 42, 105–106, 113–114, 163; Байбурун А. К., Левинтон Г. А. К проблеме «У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов» // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 229–245.

⁶⁵ См.: СЭПТ. Вып. 3. С. 17, 21, 78–79, 106, 204–205; Вып. 4. С. 34–35, 97.

[с. 77]
